

опть чужеземнаго владычества съ такимъ-же упорствомъ и энтузіазмомъ, съ какимъ наши воины обороняли опть него нашу землю. Усердіе похвальное! Пусть цѣлостъ нашего языка будетъ равно священна, какъ и неприкосновенность нашихъ границъ; но позвольте спросить: развѣ и завоеванія наши почитаютъ за нарушеніе этой драгоцѣнной цѣлости? Не забудемъ, что языкъ полипическій, языкъ военный, скажу на отрѣзъ — языкъ мысли вообще, мало и немногими у насъ обработанъ. Хорошо не зашѣивать новизны шѣмъ, коимъ не за чѣмъ выходить изъ колен и выпускаетъ вдаль умъ домовитый и ручной; но повшоряю: новые побѣги въ области мыслие требуютъ часшо и новаго порядка. Опть нихъ книжный синтаксисъ, условная логика частнаго языка могутъ поспрадать, но есть синтаксисъ, но есть логика общаго ума, копорые, не во гнѣвъ ученымъ будь сказано, также существують, хотя и не подъ ихъ вѣдомствомъ, и они часшо оправдываютъ и признаютъ произвольныя покушенія дерзости счастливой и со временемъ, какъ власти уже обдержавшейся, порабощаютъ ей ослушниковъ недовольныхъ и ропщущихъ.

Кн. Вяземскій.

О Г-жѣ Сталь и о Г. А. М—вѣ.

Изъ всѣхъ сочиненій Г-жи Сталь, книга: *Десятидѣтнее изгнаніе*, должна была преимущественно обратиться на себя вниманіе Рускихъ. Взглядъ быстрый и пронизательный, замѣчанія разительныя

во своей новости и истинѣ, благодарность и доброжелательство водившія перомъ Сочинительницы — все приносишь честь уму и чувствамъ необыкновенной женщины. Вошь что сказано объ ней въ одной рукописи: »Читая ея книгу *Dix ans d'exil*, можно видѣшь ясно, что пронутая ласковымъ приемомъ Русскихъ Боярь, она не высказала всего что бросалось ей въ глаза (*). Не смѣю въ шомъ укорять краснорѣчивую, благородную чужеземку, которая первая опдала полную справедливость Русскому народу, вѣчному предмету невѣжественной клеветы писателей иностранныхъ.» Эта снисходительность, которую не смѣеть порицать Авторъ рукописи, именно и составляетъ главную прелесть той части книги, которая посвящена описанію нашего отечества. Г-жа Спаль ославила Россію какъ священное убѣжище, какъ семейство, въ которое она была принята съ довѣренностію и радушіемъ. Исполняя долгъ благороднаго сердца, она говоритъ объ насъ съ уваженіемъ и скромностію, съ полною душевною хвалишь, порицаетъ осторожно, *не выноситъ сора изъ избы*. Будемъ-же и мы благодарны знаменитой гостьѣ нашей: почтимъ ея славную память, какъ она почтила гостеприимство наше. . . .

Изъ Россіи Г-жа Спаль ѣхала въ Швецію по печальнымъ пустынямъ Финляндіи. Въ преклонныхъ лѣтахъ, удаленная отъ всего милаго ея сердцу, семь лѣтъ гонимая дѣятельнымъ деспотизмомъ Наполеона, принимая мучительное участіе въ политическомъ состояніи Европы, она не могла конечно въ сіе

(*) Рѣчь идетъ о большомъ обществѣ Петербургскомъ, прежде 1812 года. *Сог.*

время (въ осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслажденія красотою природы. Не мудрено что почернѣлыя скалы, дремучіе лѣса и озера наводили на нее уныніе.

Недокончанныя ея записки оспанавливаются на мрачномъ описаніи Финляндіи. . . .

Г. А. М. (*), пробѣгая снова книжку Г-жи Сталь, набрелъ на сей послѣдній отрывокъ и перевелъ его довольно тяжелою прозою, присовокупивъ къ оному слѣдующія замѣтанія на грѣзы Г-жи Сталь: „Не говоря уже о обличеніи вътренаго лег-, „комыслія, опсущствія наблюдательности и совер-, „шеннаго невѣдѣнія мѣстности, неволью поражаю-, „щихъ читателей знакомыхъ съ твореніями Ав-, „тора книги о Германіи, я въ свою очередь былъ „пораженъ самимъ разсказомъ, во всемъ подобнымъ „пошлomu пустомѣльству тѣхъ щепетильныхъ „Французиковъ, которые, немного времени тому „назадъ, являясь съ скуднымъ запасомъ свѣдѣній „и богатыми надеждами въ Россію, такъ радос-, „тно принимались щедрыми и подѣ гасъ неумѣ-, „тно-добродушными нашими соотечественниками „(только по образу мыслей не нашими современ-, „никами).“

Что за слогъ и что за тонъ! Какое сноше-
ніе имѣютъ двѣ страницы Записокъ съ Дельфиною,
Коринною, Взглядомъ на Французскую революцію и
пр. и что есть общаго между щепетильными (?)
Французиками и дочерью Неккера, гонимую Напо-
леономъ и покровительствуемою великодушіемъ Рус-
скаго Императора?

(*) Сынъ Оп. No 10.

«Кто читалъ творенія Г-жи Спаль,» продол-
 жаетъ Г. А. М. «въ коихъ такъ часно ширяешь
 она и пр. . , тому точно покажется спраннымъ,
 какъ безпредѣльные лѣта и пр. . . не сдѣлали дру-
 гаго впечатлѣнія на Авшора Коринны, кромѣ скуки
 «опъ единообразія!» — За симъ Г. А. М. спавишь
 въ примѣръ самаго себя. «Нѣтъ! никогда,» говоритъ
 онъ, «не забуду я волненія души моей, расширяв-
 шейся для вмѣщенія столь сильныхъ впечатлѣній.
 Всегда буду помнить утра . . . и пр.» — Слѣдуетъ
 описаніе сѣверной природы, слогомъ совершенно
 опличнымъ отъ прозы Г-жи Спаль.

Далѣ совѣтуетъ онъ покойной Сочинитель-
 ницѣ, посредствомъ какого-либо толмага, распро-
 ситъ извожиковъ своихъ о тогной пригнѣ пожа-
 ровъ и пр.

Шутка о близости волковъ и медвѣдей къ
 Абовскому Университету, опмѣнно не понравилась
 Г-ну А. М.; но Г. А. М. и самъ разшушился. «Уже-
 ли,» говоритъ онъ, «400 студентовъ, шамъ воспиты-
 вающихся, готовяшь себя въ звѣроловы? Въ этомъ
 случаѣ, Академію сію могла бы она точнѣе назвать
 «псарнымъ дворомъ? Уже ли Г-жа Спаль не нашла
 «другаго способа отыскивать пригнѣ, замедляю-
 щихъ ходъ просвѣщенія, какъ перерядившись Діаной,
 «заставишь чинапедя рыскашь вмѣстѣ съ собою въ
 «лѣсахъ Финляндскихъ, по порошамъ за медвѣдями
 «и волками, и за чѣмъ ихъ искашь въ берлогахъ? . . .
 «Наконецъ отъ спраха, наведеннаго на робкую душу
 «нашей барыни и проч.»

О сей барынѣ должно было говоритъ языкомъ
 вѣжливымъ образованнаго чловѣка. Эту барыню
 удостоилъ Наполеонъ гоненія, Монархи довѣренно-

сти, Европа своего уваженія, а Г. А. М. журнальной стапешки не весьма острой и весьма неприличной.

Уважень хочешь бышь, умѣй другихъ уважить.

Ст. Ар.

9 Юня
1825.

IV. ИЗВѢСТІЯ и СМѢСЬ.

Извѣстія и замѣтанія, извлеченныя изъ Астрономической летописи на 1827 годѣ, изъ Г. Е. Боде.

(Окончаніе.)

5. *Разныя Астрономическія замѣтанія и извѣстія.* Гансень, въ 1824 г., посредствомъ небольшого походнаго Репсольдова инструмента опредѣлилъ весьма вѣрно широту Гельголанда = $54^{\circ} 10' 46''$ 54. Ганноверскій проповѣдникъ Лухмеръ, Сейдскій Суперь - Инпендантъ Лоренцъ и Дрезденскій Главнокомандующій Фонъ Біела наблюдали солнечныя пятна въ Ноябрь и Декабрь 1823 года. Тайный Совѣтникъ Пасторфъ 4 Юня 1823 г. замѣтилъ въ срединѣ луннаго пятна Пиполомея совершенно особенный ошпѣнокъ, который и изобразилъ въ Календарѣ. Наблюдатель предполагаетъ, что, можешь бышь, некоторое возвышеніе отъ падающихъ на него солнечныхъ лучей чрезъ вершины горъ, получаешь споль необыкновенный и, какъ